

И.В. Черданцева

Некоторые размышления о пользе иронии для метафизики

Начиная с античности понятие «ирония» устойчиво привлекало к себе внимание философов, причем настолько, что уже немецкий романтизм признал за иронией право философско-эстетической категории. Сократ и Аристотель, Фридрих Шлегель и Серен Кьеркегор, Жан Бодрийяр и Ричард Рорти, а также многие другие философы не смогли пройти равнодушно мимо иронического способа мышления и иронического способа существования, каждый раз открывая все новые и новые философские возможности иронии. Попытаемся же и мы пойти вслед за другими мыслителями и взглянуть на иронию исходя из личного философского опыта и скромно надеясь на то, что в этом опыте есть частичка уникальности, а значит, и некоторой способности своеобразного отношения к ироническому видению мира. При этом следует сразу же заметить, что поскольку пространственные возможности этой статьи не столь беспредельны, как возможности иронизирования (если говорить точнее, они не только «не беспредельны», а вообще чрезвычайно ограничены), то данная статья будет представлена не в таком аргументированном виде, в каком она могла бы быть представлена, и мы, к сожалению, будем вынуждены отказаться в ней от приведения подробных доказательств всех наших суждений.

Но прежде чем перейти к поиску новых смыслов старой категории иронии, нам хотелось бы дать предварительную философскую дефиницию данного понятия с целью выяснения его основных характеристик. Обратившись к понятию иронии, приведенному в Философской энциклопедии, мы можем видеть, что ирония рассматривается как «философско-эстетическая категория, отмечающая момент диалектического выявления (самовыявления) смысла через нечто ему противоположное, иное» [1, с. 152]. Философская энциклопедия, изданная в России в 1960-х гг., дает более развернутое определение иронии, подчеркивая, что высказывание является ироническим в том случае, если оно обладает скрытым смыслом, обратным тому, который непосредственно высказывается. Это особый вид скрытой насмешки, в которой отрицание происходит в подчеркнуто утвердительной форме. Ирония, по мнению авторов словарной статьи, состоит в том, что кто-

либо соглашается, доказывает, утверждает за явлением право на существование, но в этом утверждении выражается отрицательное отношение к объекту. Интересно, что А.Ф. Лосев, отмечая особенности иронии в «Истории античной эстетики», считает важным указать на ее отличие от обмана и лжи и пишет, что ирония возникает тогда, когда человек, желая сказать «нет», говорит «да», и в то же время это «да» он говорит исключительно для выражения и выявления своего «нет». Если представить себе, что тут есть только первое: человек, говоря «да», на самом деле думает про себя «нет», то тогда мы встретимся с обманом, ложью. Сущность же иронии заключается в том, что кто-то, говоря «да», не скрывает своего «нет», а именно выявляет его. «Нет» в этом случае не остается самостоятельным фактом, но зависит от выраженного «да», нуждается в нем, утверждает себя в нем и без него не имеет никакого значения.

Итак, анализируя приведенное в философских энциклопедиях самое общее определение иронии как философско-эстетической категории, мы видим, что специфика философского отношения к иронии заключается в особом рассмотрении иронического высказывания как суждения, обладающего скрытым смыслом, противоположным непосредственно высказываемому (причем цель ироника состоит в том, чтобы донести до собеседника именно этот скрытый смысл). Естественно, что эта дефиниция является самой предварительной и в определенной мере поверхностной, и разные историко-философские этапы существования иронии способствуют как усложнению, так и углублению этого понятия. Если кому-то из наших читателей интересна эта сложность и глубина, мы можем порекомендовать им для чтения монографию автора данной статьи «Ирония: от понятия к методу философствования, или До чего доводят философов насмешки» [2], где в достаточно подробной форме исследован генезис и изложены основные методологические функции понятия «ирония». В пределах же этой статьи мы можем позволить себе единственный вывод из обширного историко-философского анализа иронии, звучащий следующим образом: несмотря на то, что существует множество различных концептуальных представлений иронии

(общие черты которых заключаются, в стремлении с одной стороны, к более глубокому осмыслению различных сторон этой категории, а с другой стороны, к созданию общей и универсальной теории иронии), почти на всех этапах своего становления и развития она трактуется философами как способ познания и мышления, а также особый способ существования мира и человека.

Мы полагаем, что для обнаружения новых смыслов иронии нам следует воспользоваться старыми приемами и еще раз очень четко осознать и понять, каким образом она может быть применена и использована в философии. Сразу же стоит заметить, что, хотя существуют самые разнообразные мнения по поводу предмета, методов, целей и задач философии, с нашей точки зрения, специфика философского знания состоит в его метафизической (или «антиметафизической») окраске. Разумеется, метафизике, как и философии, очень сложно дать однозначное и точное определение, но тем не менее каким-то самым общим представлением о сущности метафизики мы все-таки должны руководствоваться в нашем исследовании. В этом представлении метафизика выглядит как учение о первопричинах и первоначалах сущего и бытия (подтверждением чего может служить, например, ее дефиниция, приведенная в словаре «Современная западная философия», где метафизика определяется как «философское учение о предельных, сверхопытных принципах и началах бытия, знания и культуры» [3, с. 181]).

Не углубляясь в вопрос о том, какие значения приобретало понятие метафизики в разные историко-философские периоды своего существования, позволим себе предположить, что одна из самых пристальных форм внимания к метафизике была реализована в философии М. Хайдеггера. «Хайдеггер, отождествляя метафизику с философией, проводит мысль о том, что ее основные категории – это предельные понятия, всегда заключающие в себе вопрос о целом... Центральный вопрос метафизики – вопрос о бытии, которое не тождественно сущему. Метафизика, по Хайдеггеру, связана с выходом за сущее, с вопрошанием поверх сущего» [3, с. 185]. Мы считаем, что основной вопрос метафизики о нетождественности сущего и бытия может быть представлен самыми разными способами и посредством самых разных категорий, в основе которых лежат некоторые предпосылки мышления, опыта и дискурса, свидетельствующие о философствующем человеке именно как о метафизике. В качестве одной из таких предпосылок можно, например, выделить положение о том, что реальный мир и человек как часть этого

мира, с одной стороны, являются открытыми для различных форм познания, а с другой стороны, не могут быть до конца познаны понятийно-предметным образом и всегда содержат в себе элемент принципиально непостижимого. Систематическое и развитое обоснование такого взгляда на мир приводит С.Л. Франк в своей работе «Непостижимое», но следует сказать, что выделенная выше предпосылка является чрезвычайно распространенной в истории философии, если термин «непостижимое» рассматривать как отчасти синонимичный таким философским понятиям, как «бытие», «бесконечное», «трансцендентное», «жизнь», «воля к жизни», «сокровенное» и т.д.

Если ту метафизическую проблему, которую Хайдеггер считает проблемой «сущего и бытия», рассматривать, обращаясь к понятию непостижимого, то один из возможных способов исследования этого понятия связан с вопросом соотношения реальности и знания. В этом случае реальность и знание о ней могут быть представлены в виде двух параллельных несовпадающих потоков, один из которых связан с реальным существованием конкретного предмета, а другой – с рационально-организованным знанием об этом предмете, которое не может быть адекватным реальному существованию. Если в качестве критерия истины рассматривать наиболее распространенный аристотелевский критерий соответствия знания реальному положению дел, то включение в реальность непостижимого элемента не позволяет до конца соблюсти этот критерий. В согласии с этим истина как знание, соответствующее реальности, не может быть найдена, но это не значит, что она не должна быть искома. Взятая в таком контексте проблема поиска истины (или познания непостижимого) может быть сведена к поискам таких философских методов познания, которые каким-либо образом включали бы в себя элемент непостижимого или указывали на него.

Исходя из того самого общего определения иронии, которое мы уже приводили, мы предполагаем, что именно иронический метод в силу своей специфики может выступить в качестве одного из методов познания, позволяющих приблизиться к истине и выразить непостижимое наиболее адекватным способом с помощью тех средств, которые имеются в распоряжении иронии. Что же это за средства? Прежде всего обратимся к рассмотрению иронического высказывания (основы процесса иронизирования) как иронического противоречия, включающего в себя одновременное существование двух противоположных, взаимно исключающих друг друга положений, одно из которых чаще всего служит для

выражения бесконечного, безусловного начала. Данное понимание иронии встречается и в романтизме, и в «философии жизни», и в экзистенциализме, и на первый взгляд не вызывает никаких возражений. Однако более внимательное изучение иронического противоречия показывает, что его бесконечное начало существует не самостоятельно в виде высказывания о бесконечном и безусловном, а только на фоне отрицания конечного высказывания. (При этом следует заметить, что под конечным в данном случае понимается высказывание об определенном, ограниченном объекте (вещи, явлении, процессе, понятии); и любой познаваемый объект действительности может в некотором отношении выступать как конечный; естественно, что определенность конечному придает его граница (пространственная, временная, количественная, качественная), а рассмотрение процесса изменения конечного, в ходе которого совершается постоянный выход за его границу, ведет к идее бесконечности).

Только одновременное существование утвердительного «конечного» положения на уровне «да» и отрицательного «бесконечного» положения на уровне «нет» (обратное соотношение возможно, но встречается реже и принципиально не отличается от рассматриваемого) приводит к рождению чувства и настроения бесконечного. Так, например, в ироническом плане такое суждение, как «человеческое мышление способно к познанию мира», по смыслу соответствующее конечному «да», воспринимается только вместе с суждением «человеческое мышление неспособно познавать мир», существующим как подразумеваемая антитеза к первоначальному утверждению.

Нельзя не заметить, что рассматриваемое антитетическое высказывание «человеческое мышление неспособно познавать мир» (как, впрочем и любая другая антитеза к исходному утверждению в любом другом ироническом противоречии) носит двоякий характер: с одной стороны, именно в нем осуществляется выход за границы конечного к идее бесконечного (и с связи с этим можно говорить о включении бесконечного в ироническое отношение), а, с другой стороны, можно видеть, что этот выход происходит только за счет отрицания конечного содержания, но не за счет непосредственного положительного утверждения бесконечного начала (поэтому непосредственное включение бесконечного в ироническое отношение выглядит в данной ситуации в какой-то мере достаточно проблематичным). Однако в то же время нельзя не признать и того факта, что ирония и не стремится к познанию бесконечного на уровне одного вербально оформленного утвердительного положе-

ния (это то, к чему стремится любая догматическим образом построенная философия), напротив, смысл иронии как раз состоит, как ранее уже указывалось, в признании одновременного существования двух взаимно исключающих друг друга высказываний, что противоречит законам формальной логики; причем именно эта парадоксальность, антиномичность и приводит к рождению чувства бесконечного. Таким образом, нацеленная на познание бесконечного, ирония избегает его однозначного определения, она лишь указывает на бесконечное, непосредственно не называя его (не оформляя открывшегося ей содержания на понятийном, предметном уровне), и в этом, с нашей точки зрения, и заключается ее своеобразная ценность как метода познания. Поэтому любой другой метод, познающий бесконечное как предметное, выглядит в некотором роде как ущербный по сравнению с иронией, поскольку бесконечное совпадает с неопределенным, непознаваемым, непостижимым, а, значит, и бытием, и в связи с этим любое возможное понятийное знание о бесконечном представляется не до конца правомерным.

Итак, ироническое движение начинается при высказывании любой мысли, претендующей на познание бытия, и продолжается таким образом, что следующим шагом в этом процессе является рождение мысли, противоположной предыдущей, а за этим шагом следует утверждение взаимного сосуществования этих двух мыслей, так как и мысль, противоположная высказанной вначале, не может полностью выразить бытие. И хотя нет сомнений в том, что знание о непостижимом возникает только в результате одновременного действия этих двух антиномистических суждений, их одновременного признания и соответственно «свободного витания» между ними (что непостижимо с точки зрения логики), тем не менее нельзя не заметить, что сами эти отрицающие друг друга суждения строятся на логической основе. При помощи такого иронического хода удастся вроде бы и остаться в рамках рациональности, и выйти за ее пределы, постигая непостижимое в той мере, в какой это позволяют сделать принципы мышления.

Однако и это еще не все, что может быть сказано о возможности применения иронического метода в метафизических построениях, пытающихся разработать целостный подход к постижению и выражению бытия. Помимо рассмотренных выше рациональных аспектов иронии хочется обратить внимание на так называемую сферу ее эмоционально-волевых проявлений, свидетельствующих о порождении с помощью иронического действия чувства и настроения бесконечного, улавливаю-

щих «бытие», «непостижимое» на своем «языке», в основном не использующем вербальную сферу для прямого выражения.

Уже неоднократно отмечалось, что ироническое отношение характеризуется тем, что высказывание какого-либо определенного ограниченного суждения приводит к появлению второго суждения, противоположного по смыслу первому и выражающего бесконечное начало, однако то, что при этом второе суждение чаще всего существует как подразумеваемое, специально не выделялось. Вынесение подразумеваемости на первый план приводит к тому, что в ироническое отношение вносится невербальный носитель смысла, которым является выражение лица и голоса иронизирующего человека (чаще всего оно проявляется в интонации и улыбке). Это происходит потому, что то, что говорит ироник, находится в формальном согласии с мыслью его собеседника, но при этом то, как он это говорит, не совпадает с высказываемым смыслом. В результате этого в ироническое отношение и входит подразумевание противоположного (бесконечного) смысла, о котором ничего не говорится, но присутствие которого ощущается благодаря определенной интонации ироника и его улыбке. Таким образом, интонация и улыбка свидетельствуют о включении иронического процесса в процесс бытия, постигающийся в данном случае не только предметно, но и непредметно (не только на уровне *что*, но и на уровне *как*). Таким образом, можно сделать вывод о том, что ирония действительно может рассматриваться как ме-

тод постижения бытия (непостижимого) не только в сфере предметного знания, но и на уровне непредметности, вербально не оформленном, о чем свидетельствуют ее косвенные средства выражения (интонация, улыбка), которые, в свою очередь, напрямую связаны с проявлением эмоционально-волевого начала иронии.

В заключение мы хотели бы сказать о том, что исследование специфических особенностей иронии, проведенное в данной статье, показывает, что иронический метод действительно может быть чрезвычайно полезен как метафизике, так и, соответственно, философии, поскольку мы можем его отождествить с методом постижения непостижимого (бытия) не только на предметном, но и на непредметном уровне. Ирония является методом постижения бытия и как способ мышления, направленный на познание бесконечного, и как чувство и настроение бесконечного, находящее свое выражение в невербальной форме (интонации и улыбке). При этом интересно то, что ирония, в силу своей специфики признающая одновременное существование какого-либо утверждения (знания) и его отрицания (незнания), способна поставить под вопрос и любое метафизическое основание, например, предположение о существовании непостижимого, а также предположение об ограниченности человеческого познания. Единственное, что может утешить метафизика в этой ситуации, – это то, что ирония никогда не делает однозначного выбора между постижимым и непостижимым, а легко и просто признает их взаимное сосуществование.

Литература

1. Философская энциклопедия. – М., 2002. – Т. 2.
2. Черданцева И.В. Ирония: от понятия к методу философствования, или До чего доводят философов насмешки. – Екатеринбург, 1999.
3. Современная западная философия : словарь. – М., 1991.